

УДК 821.161.1

DOI 10.17223/19986645/29/10

В.С. Киселев, Т.Л. Владимирова

ТВОРЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ СТАТЬИ В.А. ЖУКОВСКОГО «ПИСЬМО К КН. П.А. ВЯЗЕМСКОМУ О ЕГО СТИХОТВОРЕНИЯХ «СВЯТАЯ РУСЬ»»: ПУБЛИКАЦИЯ И КОММЕНТАРИЙ¹

Статья посвящена творческой истории «Письма к кн. П.А. Вяземскому о его стихотворении “Святая Русь”» и анализу его проблематики. Дается описание рукописей и публикаций «Письма», реконструируется контекст мировоззрения и творческих замыслов В.А. Жуковского, важный для понимания документа. Статья включает публикацию научно подготовленного текста «Письма», до настоящего момента не изданного в полном и текстологически адекватном виде.

Ключевые слова: В.А. Жуковский, П.А. Вяземский, публицистика, история русской литературы.

Первоначальный замысел статьи о своеобразии культурных устоев и исторического пути России возник у Жуковского в первой половине 1848 г. как отклик на события мартовской революции в Германии. Он получил реализацию в записной книжке с черновыми автографами ряда статей («Нечто о привидениях», «Две сцены из Фауста», «Письмо к графу Ш-ку о происшествиях 1848 года») и писем к великому князю Александру Николаевичу и императору Николаю I (ПД. № 27.806. Л. 69 об. – 83 об.). Ранее всего, вероятно в мае 1848 г., была написана финальная часть статьи со слов «Россия шла своим путем, и этот путь не изменился с самого начала ее исторической жизни» (Л. 69 об. – 78). После корректировки она оказалась частично включена в состав письма к великому князю Александру Николаевичу от 4 (17) июня 1848 г. [1].

В мае 1848 г. в «Санкт-Петербургских ведомостях» (№ 100) было напечатано стихотворение П.А. Вяземского «Святая Русь», оказавшее на Жуковского глубокое впечатление. Как указал Я.К. Грот [2] и конкретизировала Л.Н. Киселева [3], стихотворение также было отдельной брошюрой [4] и затем издано в «Журнале для чтения воспитанникам военно-учебных заведений» [5]. Впоследствии, готовя свои статьи к публикации в чистовой рукописи, предназначавшейся для цензуры, Жуковский включил все стихотворение в состав своего текста как его особую часть – поэтическую преамбулу (РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 71. Л. 101—102 об.). Выполняя авторскую волю, воспроизводим стихотворение по данной авторизованной копии:

Святая Русь

Когда народным бурям внемлю
И с тайным трепетом гляжу,
Как Божий гнев карает землю,
Предав народы мятежу;

Когда надменные ученья,
Плоды лжемудрости и тьмы,
Питают ядом обольщенья
Самолюбивые умы;

¹ Публикация подготовлена в рамках научного проекта № 13-34-01228, поддержанного РГНФ, и научного проекта № 12-06-33005, поддержанного РФФИ.

Когда рукой слепой гордыни,
Не зная граней, ни препон,
Срывает общества твердьни:
Преданья, правду и закон;

Когда дух буйный и тревожный,
Когда разнузданная страсть
Под знаменем свободы ложной
Насилий воцаряют власть; –

О, как в те дни борьбы мятежной
Еще любовней и сильней
Я припадаю с лаской нежной
На лоно матери моей!

Как в эти дни години гневной
Ты мне мила, Святая Русь!
Молитвой теплой, задушевной,
Как за тебя в те дни молюсь!

Как дорожу твоей любовью
И тем, что я твой сын родной!
Как сознаю душой и кровью,
Что кровь твоя и дух я твой!

Как я люблю твое значение
В земном, всемирном бытии,
Твое высокое смирение
И жертвы чистые твои,

Твое пред Промыслом покорство,
Твое бесстрашие пред врагом,
Когда идешь на ратоборство,
Приосенив себя крестом!

Горжусь венцом многодержавным,
Блестящим на челе твоём,
И некогда, не меньше славным,
Твоим страдальческим венцом.

Мне святы все твои скрижали:
Из них стереть бы не хотел
Я ни одной твоей печали,
Ни одного из громких дел.
Мне святы старины могилы,
И дней грядущих колыбель,
И наша Церковь – благ и силы,
И душ, и доблестей купель.

И он, царей престол наследной,
От вражбх бурь и от крамол
Любовью, как стеною медной,
Обезопасенный престол.

Безумствуя, вражда слепая
На бой нас вызвать ли дерзнет?
Подымется стена живая
И на противников падет!

Мне свят язык наш величавый:
Столетия в нем отозвались;
Живая ветвь от корня славы,
Под нею царства улеглись;

На нем мы призываем Бога,
Им братья мы семья одной,
И у последнего порога
На нем прощаемся с землей.

Святая Русь! Родного слова
Многозначительная речь!
Завет нам Божьего покрова
И оклик наш среди бурных сеч!

Из слов земных живеи и чаще
Звучишь ты сердцу и уму,
Всех песней ласковой и слаще
Поешь ты слуху моему.

Святая Русь! В самом значенье
Ей Промысл путь предреказал:
Недаром при ее крещенье
Он ей то имя даровал.

Нам явны из Его глагола
Ее призванье и судьба:
За Божий дом, за честь престола,
За правду жертвы и борьба,

Безукоризненная клятва
И попеченьем чистых рук
О Боге зреющая жатва
Добра, успехов и наук,
Почет и власть в земных державах,
Дух братства, мира и любви,
И простота в надежных нравах,
И пламень мужества в крови!

О, дорожи своим залогом!
Блюди такой избранный путь
И пред людьми, и перед Богом,
Святая Русь, святою будь!

О, будь всегда, как и доньше,
Ковчегом нашим под грозой,
И сердцу русскому святыней,
И нашей силой пред враждой!

Свои чувства и размышления, вызванные стихотворением Вяземского, Жуковский первоначально изложил в записной книжке (ПД. 27.806. Л 78 об.–83 об.). Два фрагмента уже вскоре слились в единую статью, оформленную как письмо к Вяземскому от 23 июля (5 августа) 1848 г. Начало письма с описанием личных обстоятельств автора было написано собственноручно (РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1909в. Л. 11–12), полный текст статьи записал камердинер В. Кальянов под диктовку из записной книжки (РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 1. № 62. Л. 6–8), окончание письма с распоряжениями об отправке великому князю Александру Николаевичу, уже знакомому с частью текста, о публикации и с дружескими правками текста стихотворения (не принятыми Вяземским) опять написано рукою Жуковского (РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 1. № 62. Л. 1–2). Кроме оригинала письма была сделана также копия (РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1909в. Л. 1–23, сохранилась не полностью, до слов: «отсюда пантеизм (уничтожение личности Бога)...»), предназначенная для А.П. Елагиной, о чем Жуковский сообщал ей в письме от 6 (18) августа 1848 г.: «Из начала моего письма к Вяземскому, с которого копию вам посылаю, милая Авдотья Петровна, вы узнаете, что со мною делается» [6].

Великий князь Александр Николаевич одобрил письмо для публикации, однако с поправками, которые вносились по инициативе императора Николая I, о чем Вяземский уведомил автора в письме от 18 октября 1848 г.: «Не писал я к тебе потому, что ожидал особенных оттисков письма твоего, чтобы послать тебе экземпляр. Только третьего дня получил я их. Между тем я надеялся, что Плетнев уведомит тебя о всей процедуре помещения письма твоего в журнале. Он отправил письмо к цесаревичу, он же и получил его обратно от цесаревича с изменениями или, лучше сказать, с исключениями, признанными необходимыми государем. Жаль, очень жаль, что все сказанное тобою о протестантизме и разных других *измах*, из него истекших, подвержено было также своему *изму*, то есть остракизму. Государь нашел, что ты совершенно прав, но что слова и мнения твои могут показаться несколько жесткими нашим братьям протестантам. Как бы то ни было, но письмо твое встретило общее сочувствие и имело большой успех. Плетнев дополнит слова мои своими подробностями как личный посредник между письмом и высочайшими его цензорами» [7]. Самой существенной из них стал выпуск фрагмента о Реформации, не устроившего императора недипломатичной резкостью характеристик. Остальные сокращения касались личных обстоятельств Жуковского, не слишком интересных широкой аудитории. В таком виде статья была опубликована в столичной газете «Русский инвалид» 21 сентября 1848 г. [8]. Попытки одновременно напечатать статью и в московских изданиях (см. далее примечание 30 с концовкой письма), очевидно, были оставлены Жуковским сразу и дальше намерения не пошли.

Дальнейшая судьба текста связана с предполагавшимся в 1850 г. сборником прозы Жуковского (см. письмо к П.А. Плетневу от 13 (25) июня 1850 г. [9]), не прошедшим цензуру. Для этого издания были составлены авторизованные писарские копии – сначала предварительная (РНБ. Оп. 2. № 39. Л. 52–57), а затем чистовая (РНБ. Оп. 1. № 71. Л. 103–108), в которую включена и комментируемая статья со слов: «Твои стихи не поэзия, а чистая правда» до слов: «...необходимых верных путей ее действия, удаляющих ее от само-

убийственного произвола». При доработке статьи для нового издания Жуковский полностью убрал личные биографические фрагменты из начала письма, но сохранил пассаж о Реформации. По данной копии статья впервые была опубликована, вероятно, Д.Н. Блудовым в посмертном издании «Сочинений В. Жуковского» [10]. Позднейшие публикаторы, однако, вернулись к версии «Русского инвалида», как поступил А.С. Архангельский в издании 1902 г. [11]. В настоящей публикации мы придерживаемся последней прижизненной печатной версии «Русского инвалида», учитывая и воспроизводя в примечаниях варианты изменений, внесенных Жуковским при так и не законченной доработке в авторизованных копиях.

Историческим фоном статьи являются события мартовской революции 1848 г. в Германии, о которых Жуковский подробнее говорил в статьях «Что будет?» и «Письмо к графу Ш-ку о происшествиях 1848 года» (см. о них в идеологическом контексте [12–13]). Категорическое неприятие революции, осмысление ее как падения европейской цивилизации, высказанное в этих статьях, подвигло писателя на поиск исторических и мировоззренческих истоков происходящего и на формулировку антитезы в виде идеи «Святой Руси». В первом моменте писатель развивал идеи, сложившиеся еще в 1810-е гг. и связанные с идеологией Священного союза («Императору Александру» и др.), о революции как результате не только хищного буйства толпы, но и беспечности, глухоты и произвола монархов, забывших истинные указания Промысла (см. подробнее [14]). В комментируемой статье появляется и образ извергающегося вулкана из послания «Императору Александру» («И первый Лилий трон у галлов над главами // Вспылал, разверзнувшись как гибельный вулкан» [15]). Но в ней уже выстраивается цельная историософская концепция отхождения европейской цивилизации от духа христианства (веры в святое) с указанием ведущих импульсов и этапов – вплоть до современности.

Революционной Европе противопоставляется идеал «Святой Руси», вполне сохранившей истинную веру и самодержавные устои, вернее, уверенность в их божественной природе, о чем подробнее Жуковский писал в статье «Самоотвержение власти». В этом пункте писатель развивает оригинальную концепцию нациостроительства, основанную на идее «семейственной монархии», на патерналистском сближении сакрализованной государственной власти (Россия) и народа, хранителя веры и патриархальных устоев (Святая Русь). Как указала Л.Н. Киселева, интертекстуальным фоном статьи в этом плане выступает не только стихотворение Вяземского, но и общий их претекст – манифест Николая I от 14 марта 1848 г. «О событиях в западной Европе», где использована формула «Святая Русь»: «По заветному примеру Православных Наших предков, призвав в помощь Бога Всемогущаго, Мы готовы встретить врагов Наших, где бы они ни предстали, и, не щадя Себя, будем, в неразрывном союзе с *Святою* Нашею Русью, защищать честь имени Русскаго и неприкосновенность пределов Наших» [16]. Ею также выделены значимые параллели со стихотворениями А.С. Хомякова «России», М.Ю. Лермонтова «Родина» и с первым «философическим письмом» П.Я. Чаадаева [3. С. 137–147].

Письмо к кн. П.А. Вяземскому о его стихотворении «Святая Русь»¹

23 июля/5 августа.

Кронталь, близ Содена²

Благодарствую, мой милый Вяземский, за твое коротенькое письмо³ и за донесение о том, что у вас теперь происходит; это несколько за вас успокоило, хотя холерная туча все еще стоит над вашею головою⁴. Но мне на вас почти завидно, вы окружены бедою, которая, выходя из Руки Всемогущей, выходя из природы, неповинной в том зле, которое из нее истекает, вселяет один только ужас; вы дома, вы страдаете в своей семье. А я на чуже, и вокруг меня свирепствует беда, производящая не один благоговейный ужас пред Властью Верховною, но и негодование против безумия и разврата человеческого. Как бы я был счастлив, если бы уже теперь был дома⁵; пускай бы там холера нашла меня; но самому искать холеры, вместе с женою и детьми, везти свою семью ей навстречу и, может быть, ей на жертву⁶, на такую ответственность не могу и не должен решиться⁷.

Между тем, на беду мою, надобно еще слышать и слушать⁸ вой этого всемирного вихря, составленного из разных, бесчисленных криков человеческого безумия, вихря, который грозит все поставить вверх дном. Какой тифус взбесил все народы и какой паралич сбил с ног все правительства! Никакой человеческий ум не мог бы признать возможным того, что случилось и что в несколько дней, с такою демоническою, необоримою силою, опрокинуло созданное веками. Можно было слышать, и давно, давно это было слышно, что в глубине кратера⁹, таившегося под слоями многих поколений, шевелилась скопляющаяся лава; и покой правительств, которые лениво и упрямо спали на краю этого кратера, есть гибельная неосторожность, вполне заслуживающая имя преступления. Но подобного извержения лавы придумать было невозможно. Шумом упавшего французского трона пробуждается несколько крикунов в маленькой области Германского царства¹⁰; несколько профессоров, адвокатов, врачей и марателей бумаги, никем не призванных, никем не уполномоченных, предводительствуя маленькою дружиною дерзких журналистов, выходят в бой противу всех законных государей, окруженных сильною армиюю, и все они разом, без боя, кладут оружие и принимают безусловно те бессмысленные законы, которыми в чаду своей силы (не действительной, а созданной внезапным страхом их противников), наскоро, без всякой умеренности, без малейшего признания права и правды, толпа анархистов уничтожает всякий авторитет и всякую возможность порядка. Теперь начинается что-то похожее на противудействие – но трудно поверить его успеху. Слишком, слишком много разрушено.

Вяземский! как тронули меня, при виде всего этого, столь болезненного и отвратительного, твои стихи¹¹: я не мог читать их без слез и не могу иначе перечитывать...¹²

Твои стихи не поэзия, а чистая правда. Но что же поэзия, как не чистая, высшая правда? Твои стихи п р а в д а потому, что в них просто, верно, без всякой натяжки выражается то, что глубоко живет в душе, не под-

лежит произвольному умствованию, не требует никаких доказательств разума¹³, что живет в душе вопреки всем софизмам отрицания, вопреки даже самым противоречущим фактам, живет, как всякая Божия истина, не из ума человеческого исходящая, потому именно гордостью его отвергаемая, что она вне его существует, потому именно и не отрицаемая, что не принадлежит к области очевидности и не подвластна механической силе логических доказательств. Твои стихи, поэтический крик души, производят очаровательное действие в присутствии чудовищных происшествий нашего времени. Святая Русь! Какое глубокое значение¹⁴ получает это слово теперь, когда видим, как все кругом нас валится единственно оттого, что оторвался от него этот общий знаменатель, к которому нельзя уже теперь привести этих мелких, разнородных дробей, ничего целого не составляющих. Святое утрачено; крепкий цемент, соединявший так твердо камни векового здания, по плану Промысла построенного, исчез, мало-помалу уничтоженный едкой деятельностью ума человеческого. Что воздвигнется и может ли что воздвигнуться на этой груде развалин – мы знать и предвидеть не можем. Между тем наша звезда, Святая Русь, сияет высоко, сияет в стороне! Да сохранит ее Бог¹⁵ от затмения собственного и от насильственного увлечения в вихорь соседних звезд, готовых разрушиться. Святая Русь – это слово ровесник христианской России. Оно дано ей, как говорят твои стихи, при ее крестинах и никогда не потеряет своего глубокого смысла, хотя и вошло в разряд обыкновенностей (lieux communs). Скажу мимоходом, что я выше всего ставлю эти так называемые обыкновенности: они в языке и в жизни то же, что воздух, невидимо нас окружающий, без которого ни дышать, ни жить невозможно. То, что вошло в обыкновенность, принято всеми, для всех неотрицаемо; оно потеряло свою новизну от своей давности, но по тому самому и есть всеобщая необходимая истина. Оно приобретает вдруг характер какого-то откровения, чудно выражающего истину верховную – когда ему противополжится нечто, эту верховную истину отрицающее. Так и здесь: Святая Русь – как часто и давно это слово повторяется, как мы к нему привыкли, как многие употребляют его даже в ироническом смысле — но сказанное теперь (в противоположность тому, что в наших глазах повсеместно творится), не изумляет ли оно своею новостью и своею истиною? Не выражает ли оно для нас с новою убедительностью, одним звуком всего, что в течение веков сделалось нашею верою, любовью и надеждою?¹⁶ Не яснее ли начинается в нем¹⁷ этот особенный союз наш с Богом, вследствие которого от наших праотцев перешло к нам и чудное имя его Русской Бог¹⁸ (не Российский Бог, как оканчивает своего Димитрия Донского Озеров¹⁹). Русской Бог, Святая Русь, подобных наименований Бога и отечества, кажется, ни один европейский народ не имеет. В выражении Святая Русь – отзывается вся наша особенная история; это имя Россия ведет от крещатика; но свое глубокое значение оно приобрело со времен раздробления на уделы, когда над разными подчиненными князьями был один главный, великий, когда при великом княжестве было множество малых, от него зависимых, и когда это все соединялось в одно, не в Россию,

а в Русь, то есть не в государство, а в семейство, где у всех были одна отчизна, одна вера, один язык, одинакие воспоминания и предания; вот отчего и в самых кровавых междоусобиях, когда еще не было России, когда удельные князья беспрестанно дрались между собою за ее области, для всех была одна, живая, нераздельная Святая Русь. Все вместе стояли за нее против нашествия и грабительства врагов неверных. Особенную же силу этому слову дали печальные времена Мамаю: тогда оно сделалось для нас соединительным, отечественным боевым криком²⁰; им утешала нас наша церковь, его произносили князья наши, неся в Орду свою голову за отечество, оно гремело на Куликовом поле; оно должно было получить удивительный смысл на устах великого Иоанна III, уничтожившего рабство татарское и вдруг явившегося самодержавным обладателем всей России. С того времени Россия стала государством, особенным достоянием царя, а Святая Русь осталась преданием, совокупным сокровищем царя и народа. Там наше могущество, наши многообъемлющие грани, наше государственное достоинство; здесь наша память о жизни праотцев, наша народная внутренняя жизнь, наша вера, наш язык, все, что собственно наше русское, что никому, кроме нас, принадлежать не может, что нигде, кроме Русской земли, не встретится, чего никто, кроме русского человека, и понять не может. Россия принадлежит к составу государств Европы; Святая Русь есть отдельная, наследственная собственность русского народа, упроченная ему Богом. Вся святость этой Руси и весь чудный характер народа русского (в котором такой светлый рассудок соединяется с такою твердою, спокойною, никаким вдохновением не воспламеняемою самоотверженностью) особенно выразились в ту минуту, когда бояре московские пришли к Иоанну IV²¹ умолять его казнить их, как будет на то его воля, но только не покидать престола русского. (Событие удивительное, в котором ясно означает, что правильные понятия политические, без всякого философического умствования постигнутые здравым русским умом, прямо истекают из того источника²², из которого всякая истина истекает, из христианства, которое, несмотря на потрясение, претерпенное им в наше время, возьмет напоследок свое и сделается альфой и омегой всякой правды). Другое слово нашего народа: Русской Бог, имеет такое же глубокое, историческое значение. Подобные слова не случайно входят в употребление, они суть памятники, итоги вековой жизни народа. Слово Русской Бог выражает не одну веру в Бога, но еще какое-то особенное народное предание о Боге, давнишнем сподвижнике Руси, виденном нашими праотцами во все времена их жизни, и счастливые и бедственные, и славные и темные; в этом слове наше бодрое, беспечное авось соединяется с крепкою надеждою на высшее Провидение; Русской Бог есть то же в отношении к вере в Бога, что Святая Русь в отношении к России. Этот Русской Бог есть удивительное создание нашего ума народного; понятие о Нем, отдельно существующее при вере в Бога христианского, истекающей из божественного откровения, присоединено к ней, будучи выведено русским народом из откровения²³, в его истории заключающегося, понятие о Боге осязательном, на опыте доказанном, повсеместно, без всякого проповедания признанном,

понятие, одним только русским народом присвоенное. Смешно сказать: Английский, Французский, Немецкий Бог; но при слове Русской Бог – душа благоговет: это Бог нашей народной жизни, в котором, так сказать, для нас олицетворяется вера в Бога души нашей, это образ Небесного Спасителя, видимо отразившийся в земной судьбе нашего народа.

Россия шла своим особенным путем, и этот путь не изменился с самого начала ее исторической жизни, несмотря на беспорядки, происшедшие от раздробления на уделы, которое, наконец, произвело и долгое татарское иго. Две главные силы, исходящие из одного источника, властвовали и властвуют ее судьбою; они навсегда сохраняют ее самобытность, если, оставшись неизменными в своей сущности, будут следовать за историческим, необходимым ее развитием, будут его направлять и могущественно им владычествовать. Эти две силы суть церковь и самодержавие: одной, то есть самодержавию, принадлежат земной порядок и благоденствие общественное, им охраняемое; другой, то есть церкви, принадлежит дополнение земного благоденствия высшими благами иного порядка, дающими земному его истинное значение и возможную прочность.

Оглянувшись на запад теперешней Европы, что увидим? Дерзкое неприятие участия Всевышней Власти в делах человеческих выражается во всем, что теперь происходит в собраниях народных. Эгоизм и мертвая материальность царствуют. Чего тут ожидать живого? Какое человеческое благо может быть построено на таком фундаменте?²⁴ Вера в святое исчезла – печальный результат Реформации, которая, будучи сама результатом предшествовавшего, есть самый видимый пункт, с которого можно проследовать постепенный ход и развитие теперешнего. Неотрицаемо, что Реформация произвела великое движение умственное, из которого наконец вышла так называемая цивилизация нашего времени. Реформации предшествовали два подготовительных события, которые сильно помогли ее всеобъемлющему действию: изобретение книгопечатания и взятие Константинополя турками²⁵. Книгопечатание сделалось путем быстрее и обширнее сообщения мыслей; с падением Византии классическая ученость переселилась в Италию и через нее в остальную Европу. Первый шаг Реформации решил судьбу европейского мира: вместо исторических злоупотреблений церковной власти она разрушила духовный, дотоле не тронутый авторитет самой церкви; она взбунтовала против ее неподсудимости демократический ум; дав право верить откровению, она поколебала веру, а с верою и все святое. Это святое заменилось языческой мудростью древних; родился дух противоречия; начался мятеж против всякой власти, как божественной, так и человеческой. Этот мятеж пошел двумя дорогами: на первой уничтожение авторитета церкви произвело рационализм (отвержение божественности Христа), отсюда пантеизм (уничтожение личности Бога), в заключение атеизм (отвержение бытия Божия); на другой понятие о власти державной, происходящей от Бога, уступило понятию о договоре общественном, из него самодержавие народа, которого первая степень представительная монархия, вторая степень демократия, третья степень социализм и ком-

мунизм – может быть и четвертая последняя степень: уничтожение семе́йства и вследствие того возвышение человечества, освобожденного от всякой обязанности, ограничивающей чем-либо его личную независимость, в достоинство совершенно свободного скотства. Итак, два пункта, к которым ведут и отчасти уже привели сии две дороги: с одной стороны, самодержавие ума человеческого и уничтожение царства Божия, с другой – владычество всех и каждого и уничтожение общества. Между сими двумя крайностями бьется теперь и выбивается из сил образованность западной Европы.

Общество по той же причине, что Реформация произвела в нем усиленную деятельность, приобрело великое развитие в своем материальном составе, и это развитие есть то, что называется сивилизацией (наука, промышленность, удобства жизни, богатство, легкость и обширность сообщения умственного и материального и пр.); понеже пункт отбытия (point de depart) был фальшивый, эта сивилизация отклонилась от настоящей своей цели: на Божий престол она возвела ум человека, мы возвратились в язычество, в язычество без поэзии, ибо у нас нет пред глазами фантастических богов древности; мы благотворим свой ум, нечто неживое, не имеющее никакого образа, безответное, с нами умирающее, которое напрасно его поклонники хотят увековечить в его названии: ум человечества, в чем-то сборном, не имеющем никакой личной сущности. А сивилизация сама себя погубит, или, лучше сказать, распадется на гнилые части, ибо она есть труп без души, если не возвратится к тому пункту, с которого начала свой путь и на котором оставила свою душу: веру в святое. Возможен ли этот возвратный путь? Это знает один всезнающий.

Россия ничего подобного в судьбе своей не имела: она не испытала Реформации, в ней не произошло этого умственного, образовательно-разрушительного движения, произведшего мало-помалу ту смертельную болезнь, которою теперь страждет Европа, и если она далеко отстала от Европы в сивилизации, то в такой же мере сохранила неприкосновенным то, что Европейская сивилизация уничтожила и чего уничтожение в свою очередь уничтожит Европейскую сивилизацию, сохранила веру в святое. У нас – целы те главные, основные элементы, которыми держится бытие государств христианских. Наша церковь не изменилась: реформация не дерзнула коснуться ее святыни; а неизменяемость церкви сберегла и упрочила неизменяемость власти державной, которая, несмотря на все волнения государственные, осталась непоколебленной в своем основании, то есть в понятии о божественности ее происхождения и в исторической ее законности. Русский народ, в котором никакой произвол мятежного умствования не поколебал веры в непреложность церкви, остался равномерно верен и власти державной, проповедуемой церковью. В его истории мы видим перемены властителей, но власть и уважение к ней во всякое время оставались неизменными; бывали мятежи народные, но никогда не бывало провозглашаемо право мятежа, которое так же существовать не может, как и право притеснения: ибо когда народное восстание опрокидывает законную власть, во зло употребленную, то это не

есть выражение существующего права – это просто событие, неизбежное следствие другого события, неправда, рожденная неправдою, – то же, что отзыв, естественно произведенный звуком. Мы видим, что от Рюрика до смерти Феодора Иоанновича один и тот же дом царствует сквозь все века протянута одна непрерывная цепь наследственной власти, непрерывная во времена междоусобий, во времена татарского ига и пресеченная на короткое время в периоде от Годунова до Романовых только для того, чтобы крепче соединить свои звенья в ту минуту, когда весь русский народ, основываясь на вере и обычаях праотцев и на учении евангельском, провозгласил самодержавие на выборе московском. Это самодержавие перешло в руки Романовых таким, какое оно было до их избрания. Оно и теперь то же самое в своей сущности: завет нам от всего нашего минувшего, богатство, собранное нами в течение веков на дороге, по которой вело нас Провидение. С другой стороны, надобно сказать, что если в образованной Европе вера в святое истратилась от расточительных злоупотреблений ума, то в России она сохранилась в своей неприкосновенности²⁶, частью и от ее бездейственного неупотребления²⁷, так что на западе Европы существует цивилизация, но добрые начала уничтожены; а у нас сохранены добрые начала, но собственной цивилизации, из их развития исходящей, еще не существует, а есть только ее призрак, ее нам чуждая, заимственная форма, которая может, наконец, повредить и добрым началам. Вопрос: что возможно? – ввести ли снова в цивилизацию уничтоженные добрые начала или на существующих добрых началах пересоздать чужую цивилизацию в собственную? Думаю, последнее. Первое можно сравнить с развратным, состарившимся, расслабленным богачом, который доживает последнее свое достояние и ничего не оставит наследникам, кроме своего мертвого трупа; последнее – с молодым, еще неоглядевшим недорослем, владельцем великого богатства, которого он еще употреблять не научился, но которое еще не растрачено и может, увеличенное, перейти в руки его наследников. Итак, чтобы предохранить цивилизацию Европы от ниспадения в варварство, надлежит возвратить ее к началам, ею утраченным. Чтобы дать самобытную цивилизацию России, должно развить сии добрые начала, сохранившие всю чистоту свою, но еще не вполне в смысле своем употребленные. Сии начала для России суть: церковь и самодержавие. Под развитием церкви разумеется более деятельное введение ее учения в умственную и практическую жизнь истинным христианским образованием, оградив его от всякого самовольного лжеумудрия, образованием, которое у нас до сих пор слишком ограничено было одними формами²⁸. Под развитием самодержавия разумеется твердейшее укоренение и распространение его патриархального могущества²⁹, которого источник и правило есть верховная Божия правда, но которое, с своей стороны, должно более и более определить и утвердить законность – с одной стороны, в действиях исполнителей власти, с другой – в общих о ней понятиях народа, законность, которая хранит права, неотъемлемо всем и каждому принадлежащие и державною властью один раз навсегда утвержденные, и которая,

истекая из самой власти, ее не ограничивает, а более и более упрочивает посредством указания необходимых верных путей ее действия³⁰.

Примечания

Автограф:

1) ПД. № 27.806. Л. 69 об.–83 об. (Л. 69 об. – 78 – основная часть статьи со слов: «Россия шла своим путем, и этот путь не изменился с самого начала ее исторической жизни». Л. 78 об. – 83 об. – начало статьи со слов: «Я давно получил твои стихи, прочитал их с восторгом и слезами и не могу иначе перечитывать: это не поэзия, а чистая правда» до слов: «это вечный наш хранитель, образ нашего Спасителя Небесного, отразившийся в судьбе нашей»);

2) в письме П.А. Вяземскому. РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1909в. Л. 11–12 – начало; Ф. 198. Оп. 1. № 62. Л. 6–8 – продолжение, рукою В. Кальянова под диктовку Жуковского; Л. 1–2 – окончание от слов: «Это письмо, как своеручное...» – рукою Жуковского.

К о п и и :

1) РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 39. Л. 52–57 (со слов: «Твои стихи не поэзия, а чистая правда» до слов: «...необходимых верных путей ее действия, удаляющих ее от самоубийственного произвола») – авторизованная;

2) РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 71. Л. 101–102 об. – стихотворение «Святая Русь». Л. 103–108 (статья со слов: «Твои стихи не поэзия, а чистая правда» до слов: «...необходимых верных путей ее действия (удаляющих ее от самоубийственного произвола)») – авторизованная, чистовая;

3) РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1909 в. Л. 1–23 – копия полного текста письма до слов: «отсюда пантеизм (уничтожение личности Бога)...»;

4) РГБ. Ф. 104. VI.33.

В п е р в ы е : Русский инвалид. 1848. № 207. 21 сентября. С. 825–827 – с сокращениями (выпущен фрагмент о Реформации со слов: «Вера в святое исчезла...» до слов: «...сохранила веру в святое»).

Р е п у б л и к а ц и я : Стихотворения Василия Жуковского: в 13 т. 5-е изд., испр. и умнож. СПб., 1857. Т. 11. С. 342–357 (со слов: «Твои стихи не поэзия, а чистая правда» и с восстановлением фрагмента о Реформации); Полное собрание сочинений В.А. Жуковского: в 12 т. / под ред., с биогр. очерком и примеч. А.С. Архангельского. СПб., 1902. Т. 10. С. 120–124 (по публикации «Русского инвалида»).

П е ч а т а е т с я : по публикации «Русского инвалида» с восстановлением выпущенного фрагмента о Реформации и со сверкой по автографу 2 и копиям 1 и 2.

Д а т и р у е т с я : около 4 (16) июня – около 23 июля (5 августа) 1848 г. (по датам писем к великому князю Александру Николаевичу и П.А. Вяземскому – см. выше).

¹ Письмо к кн. П.А. Вяземскому о его стихотворении «Святая Русь» – Заглавие дано по последней прижизненной авторизованной рукописи (копия 2). В «Русском инвалиде» (далее РИ) заголовок: «Письмо В.А. Жуковского к князю П.А. Вяземскому».

² 23 июля/5 августа. Кронталль, близ Содена. – В автографе 2: «23 Июля / 5 Авг. Кронталль близ Содена. *Kronthal près Soden, par Francfort s/M.*»

³ Благодарствую, мой милый Вяземский, за твое коротенькое письмо... – Письмо от 30 июня 1848 г., в котором П.А. Вяземский благодарит за присылку двух томов нового собрания «Сочинений» В.А. Жуковского и рассказывает об эпидемии холеры, охватившей всю Россию [7. С. 60–61].

⁴ ...холерная туча все еще стоит над вашей головою. – В автографе 2: «...холерная туча все еще стоит над вашей головою неподвижно». Холерная туча – эпидемия «азиатской» холеры 1846–1848 гг., пришедшая в Россию из Персии осенью 1846 г. и охватившая всю европейскую часть страны. См. [17].

⁵ *Как бы я был счастлив, если бы уже теперь был дома...*— С марта 1848 г. в связи с европейскими событиями Жуковский строил планы скорейшего возвращения в Россию, о которых подробнее см. [18].

⁶ *...везти свою семью ей навстречу и, может быть, ей на жертву...*— В автографе 2: «...везти свою семью ей навстречу и, может быть, ей на обед...».

⁷ *...на такую ответственность не могу и не должен решиться.*— В автографе 2 далее выпущенный в РИ фрагмент: «Судьба играет мною в волан; только что холера революции взбросила меня своею ракетой в направлении к отечеству, как холера tout court [ракеткой. — фр.] своею отшвырнула назад; может быть попаду на ракету холеры междоусобной войны — куда отшвырнет эта, Бог один знает. Но его воля состоит в том, чтобы мы следовали указанию настоящей минуты, в которой она ясно выражается. И здесь для меня ясно, что я не должен отдавать своей семье на произвол заразе. И я не с горем пополам, а с горем по горло останюс на зиму за границую. Мои все приготовления к отъезду сделаны; я сдал свой дом во Франкфурте; все свои мебели продал или раздарил; все свое нужное уложил и отправил: оно теперь в Штетине и скоро будет в Петербурге. С одним необходимым отправился в Эмс, и там дошла до меня первая весть о холере. Мой план был: поселить жену и детей в Лифляндии (первую зиму жене нельзя провести в Петербурге: это ей Копп и здравый рассудок запрещают), сам хотел съездить в Петербург, потом в Москву, потом возвратиться в Лифляндию и провести зиму с семьею в Дерпте. Но холера, еще не отсвирепствовал в Петербурге, уже послала передовых занимать для нее квартиры в Лифляндии; именно к тому времени, в которое мне надобно будет пуститься в путь, там будут все квартиры ею заняты; когда же она их очистит и отправится в дальнейший путь, то нам будет уже поздно пускаться в наш путь: наступит холод, который для жены после ее эмского лечения может быть весьма вреден. Таково теперь мое приятное положение: я кувыркаюсь в воздухе между ракетами двух холер. И при этом какое разорение для кармана».

⁸ *Между тем, на беду мою, надобно еще слышать и слушать...*— В автографе 2: «И при всех этих удовольствиях надобно еще слышать и слушать...»

⁹ *...в глубине кратера...*— В автографе 2: «...в глубине давнишнего кратера...».

¹⁰ *Шумом упавшего французского трона пробуждается несколько крикунов в маленькой области Германского царства...*— 22 февраля 1848 г. «реформистский» банкет (называемый так потому, что оппозиционеры требовали реформы избирательного закона) национальной гвардии был запрещён в двенадцатом муниципальном округе Парижа, что спровоцировало мятеж. В результате революции 1848 г. во Франции, король Луи-Филипп I отрёкся от престола. Эти происшествия инициировали мартовскую революцию в Германии. На юге и на западе страны прошли крупные собрания и массовые демонстрации. Главным образом, население требовало свободу печати, собраний и национальный Германский парламент. В Гейдельберге (Баден), 5 марта 1848 г. группа немецких либералов начала готовиться к выборам в Германский парламент. Предпарламент был собран 31 марта во франкфуртской церкви Святого Павла. Его члены призывали к свободным выборам в национальный Германский парламент, на что было согласно большинством германских княжеств. 18 мая 1848 г. Германский парламент открыл свою первую сессию в церкви Святого Павла. Из-за того что среди 586 депутатов много было профессоров (94), учителей (30) или имеющих университетское образование (233), его прозвали «профессорским парламентом» (нем. Professorenparlament). О ходе революции см. подробнее [19–20].

¹¹ *...твои стихи...*— В автографе 2: «...твои чудно прекрасные стихи...».

¹² *...и не могу иначе перечитывать...*— В автографе 2 далее опущенный в РИ фрагмент: «Но я намерен пуститься с письмом моим в дальний путь; и буду продолжать его карандашем. Я не могу писать иначе как стоя, но долго стоять теперь накладно для моих устарелых ног. С карандашем в руках могу сидеть и даже лежать. Написанное карандашем будет продиктовано. Готовься к терпению».

¹³ *...что глубоко живет в душе, не подлежит произвольному умствования, не требует никаких доказательств разума...*— В автографе 2 и копии 1: «...что глубоко живет в душе, не подлежащее произвольному умствования, не требующее никаких доказательств разума...».

¹⁴ *Святая Русь! Какое глубокое значение...–* В автографе 2 и копии 1: «Святая Русь – какое глубокое значение...».

¹⁵ *...сияет высоко, сияет в стороне! Да сохранит ее Бог...–* В автографе 2 и копии 1: «сияет высоко, сияет в стороне – да сохранит ее Бог...».

¹⁶ *...верую, люблю и надеждою?–* В автографе 2 далее опущенная в РИ фраза: «[Не явственно ли слышится в одном этом звуке отголосок времен минувших?]».

¹⁷ *Не яснее ли означается в нем...–* В автографе 2 и копии 1: «Не явственнее ли означается в нем...».

¹⁸ *Русской Бог...–* Идиоматическое выражение, обретшее популярность в первой трети XIX века и употребленное как с ироническим, так и с патетическим смыслом в ряде значимых литературных произведений П.А. Вяземского, А.С. Пушкин и др. См. [21]. Об интertextуальных смыслах этой идиомы у Жуковского см. [3. С. 141].

¹⁹ *Не Российский Бог, как оканчивает своего Димитрия Донского Озеров... – «Языки! ведайте — велик российский бог!» –* фраза из финала известной пьесы 1807 г. «Димитрий Донской» В.А. Озерова (1769–1816), популярного драматурга начала XIX в.

²⁰ *...живая, нераздельная С в я т а я Р у с ь. Все вместе стояли за нее против нашествия и грабительства врагов неверных. Особенную же силу этому слову дали печальные времена Мамаю: тогда оно сделалось для нас соединительным, отечественным боевым криком...–* В автографе 2 и копии 1: «...живая, нераздельная С в я т а я Р у с ь. Все вместе стояли за нее против нашествия и грабительства врагов неверных. Особенную же силу этому слову дали печальные времена татар: тогда оно сделалось для нас соединительным, отечественным лозунгом...».

²¹ *...когда бояре московские пришли к Иоанну IV...–* В копии 1 и 2 (здесь зачеркнуто) вариант: «...когда бояре московские пришли к чудовищному Иоанну IV...». **Иоанн IV Васильевич** (прозвание **Иван Грозный**; 1530–1584) – великий князь Московский и всея Руси с 1533, первый царь всея Руси (с 1547). Упомянутое в статье событие относится к 1575 г., когда по желанию Иоанна Грозного крещёный татарин и хан касимовский Симеон Бекбулатович венчан был на царство как Царь «великий князь всея Руси», а сам Иоанн Грозный назвался Иваном Московским, уехал из Кремля и стал жить на Петровке.

²² *Событие удивительное, в котором ясно означается, что правильные понятия политические, без всякого философического умствования постигнутые здравым русским умом, прямо истекают из того источника...–* В автографе 2: «Событие удивительное, в котором ясно означается, что правильные понятия политические (без всякого философического умствования постигнутые здравым русским умом) прямо истекают из того источника...».

²³ *...понятие о Нем, отдельно существующее при вере в Бога христианского, истекающей из божественного откровения, присоединено к ней, будучи выведено русским народом из откровения... –* В копии 1 и 2 вариант: «...понятие о Нем, отдельно существующее при вере в Бога христианского, истекающей из божественного откровения, выведено русским народом из откровения...».

²⁴ *Какое человеческое благо может быть построено на таком фундаменте? –* Далее в публикации РИ выпущен восстановленный по автографу 2 и копиям 1 и 2 фрагмент о Реформации со слов: «Вера в святое исчезла...» до слов: «...сохранила веру в святое».

²⁵ *...взятие Константинополя турками...–* Столица Византийской империи, Константинополь, была захвачена турками-османами под предводительством султана Мехмеда II во вторник, 29 мая 1453 г. Это повлекло за собой уничтожение Восточной Римской империи и смерть последнего византийского императора Константина XI Драгаша. Победа дала туркам господство в восточном бассейне Средиземноморья.

²⁶ *...в России она сохранилась в своей неприкосновенности...–* В копии 1 и 2 вариант: «...в России неприкосновенность ее сохранилась...».

²⁷ *...от ее бездейственного неупотребления...–* В копии 1 и 2 вариант: «...от ее бездейственного неразвития...».

²⁸ *...ограничено было одними формами.–* Далее в автографе 2 и копиях 1 и 2 фрагмент: «(от чего произошли многие наши расколы, дети не вольномыслия, а равнодушия к мыслям, с одной стороны, и естественной потребности мыслить, с другой)».

²⁹ ...распространение его патриархального могущества... – Далее в копии 1 зачеркнутый фрагмент: «...более ясным извлечением его из правил Божией правды, с более точным определением прав, неотъемлемо принадлежащих всем и каждому, определением, которое, исходя из самой власти, было бы не ее ограничением, а ее утверждением посредством указания необходимых, верных путей ее действия, спасающих ее от самоубийственного произвола».

³⁰ ...необходимых, верных путей ее действия. – Далее в автографе 2 и копиях 1 и 2 (здесь в скобках) фрагмент: «...удаляющих ее от самоубийственного произвола». В автографе 2 после идет еще один фрагмент: «Это письмо, как своеручное, так и диктованное, сообщи через Плетнева в<еликому> к<нязю> наследнику. Пускай Плетнев отправит его при письме от себя, в котором сказать, «что это письмо сообщается Ему по моему желанию. Не найдет ли он, что его будет можно напечатать (разумеется, с некоторыми выпущками)?» – Вот тебе и мои стихи, которые, однако, одно, ничто перед твоими. Но между крупинками твоего золота замешалось несколько песчинок, которые я попробовал выбросить. Удалось ли, не знаю? Посылаю тебе то, что, по моему мнению, есть чистейшее самородное золото. Вот и причины выброшения:

11. громких дел

Да кто же согласится стереть их с отечественных скрижалей! Эти<м> хвататься не нужно.

19. После значенье надобно необходимо чего значенье; как я поправил, кажется точнее.

20. По моему точнее и короче.

21

22. не точно, да и лишнее, от чего все остальное ослабляет.

23. Совершенно лишняя строфа.

Все уцелевшее – прелесть поэтическая и прелесть для русского сердца.

Прошу письмо в<еликому> князю сообщить немедленно. Копию с этого письма я послал к Булгакову. (Нет! раздумал!) Я бы желал, чтобы оно было напечатано в Петербурге и в Москве. Разумеется, что начало, где говорится обо мне, должно быть выпущено».

Литература

1. *Русский архив*. 1885. Т. 56, № 2. С. 245–247.
2. *Вяземский П.А.* Полное собрание сочинений. Т. 4. СПб., 1880. С. IX.
3. *Киселева Л.Н.* Диалог Вяземского и Жуковского о Святой Руси // «На меже меж Голосом и Эхом»: сб. ст. в честь Татьяны Владимировны Цивьян. М., 2007. С. 145.
4. *Святая Русь*. Стихотворение К.П. Вяземского. Изданное в пользу Второй Адмиралтейской Школы, состоящей под ведением Женского Патриотического Общества. СПб.: В тип. экспедиции изготовления гос. бумаг, 1848. 8 с. Ценз. разр. 19 мая 1848 г.
5. *Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений*. 1848. Т. 72, № 288.
6. *Переписка В.А. Жуковского и А.П. Елагиной*. 1813–1852. М., 2009. С. 576.
7. *Переписка П.А. Вяземского и В.А. Жуковского (1842–1852)* / публ. М.И. Гиллельсона // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология: ежегодник 1979. Л., 1980. С. 61.
8. *Русский инвалид*. 1848. 21 сент. № 207. С. 825–827.
9. *Сочинения и переписка П.А. Плетнева*: в 3 т. СПб., 1885. Т. 3. С. 670–672.
10. *Стихотворения Василия Жуковского*: в 13 т. 5-е изд., испр. и умнож. СПб., 1857. Т. 11. С. 342–357.
11. *Жуковский В.А.* Полное собрание сочинений: в 2 т. / под ред., с биогр. очерком и примеч. А.С. Архангельского. СПб., 1902. Т. 10. С. 120–124.
12. *Гросул В.Я., Итенберг Г.С., Твардовская В.А. и др.* Русский консерватизм XIX столетия: Идеология и практика / под ред. В.Я. Гросула. М., 2000. С. 167–191.
13. *Мещерякова А.О.* Русские консерваторы о европейских революциях 1848–1849 гг. // Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. Сер. Гуманит. науки. 2011. № 3. С. 12–15.

14. Янушкевич А.С. В.А. Жуковский и Великая французская революция // Русская литература и Великая французская революция. Л., 1990. С. 106–141.
15. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. 1. М., 1999. С. 368.
16. Полное собрание законов Российской империи: Собр. 2. Отд-ние 1. Т. 23: 1848. СПб., 1849. С. 182.
17. Васильев К.Г., Сегал А.Е. История эпидемий в России: (материалы и очерки) / под ред. и с доп. А.И. Метелкина. М., 1960. С. 259–261.
18. Гузаиров Т. Жуковский – историк и идеолог николаевского царствования. Тарту, 2007. С. 94–95.
19. Кан С.Б. Революция 1848 года в Австрии и Германии. М., 1948.
20. Вин Ю.Я. Европейские революции 1848 года. «Принцип национальности» в политике и идеологии. М., 2001.
21. Виноградов В.В. Стиль Пушкина. М., 1941. С. 391–392.

THE CREATIVE HISTORY OF V.A. ZHUKOVSKY'S ARTICLE "LETTER TO PRINCE P.A. VYAZEMSKY ABOUT HIS POEM *HOLY RUSSIA*": PUBLICATION AND COMMENTARY.

Tomsk State University Journal of Philology, 2014, 3 (29), pp. 109–124. DOI 10.17223/19986645/29/10
 Kiselev Vitaly S., Vladimirova Tatyana L., Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).
 E-mail: kv-uliss@mail.ru / vesta_23@mail.ru

Keywords: V.A. Zhukovsky, P.A. Vyazemsky, publicism, history of Russian literature.

The original intent of articles about the uniqueness of cultural practices and historical path of Russia came to Zhukovsky in the first half of 1848 as a response to the events of the March revolution in Germany. It was implemented in a notebook with draft autograph notes of a number of articles and letters to Grand Duke Alexander Nikolaevich and Emperor Nicholas I (PH. No. 27.806. L. 69. Side 83). In May 1848 No. 100 of *Sankt-Peterburgskie Vedomosti* (*Saint Petersburg News*) published P.A. Vyazemsky's poem "Holy Russia" that has made a profound impression on Zhukovsky. The writer originally expressed his feelings and reflections caused by the poem in the notebook (PH. No. 27.806. L. 78. Side 83). Two fragments soon merged into a single article structured as a letter to Vyazemsky of July 23 (August 5), 1848. The fate of the text was connected with the royal censors. Grand Duke Alexander approved the letter for publication with corrections made at the initiative of Emperor Nicholas I, as Vyazemsky notified the author in a letter dated October 18, 1848. The most significant of the corrections was the ban of a fragment about the Reformation: the Emperor did not like the undiplomatic harshness of characteristics in it. Other reductions concerned personal circumstances of Zhukovsky, not very interesting to a wider audience. As such, the article was published in the metropolitan newspaper *Russian Invalid* on September 21, 1848.

The historical background of the article are the events of the March Revolution of 1848 in Germany which Zhukovsky detailed in the articles "What will be?" and "Letter to Count Sh. on the Incidents of 1848". Categorical rejection of the revolution, understanding it as the fall of European civilization expressed in these articles inspired the writer to search for historical and philosophical origins of what was happening and to express the antithesis of it. Revolutionary Europe is opposed to the ideal of "Holy Russia" which preserved the true faith and autocratic principles; or rather their confidence in the divine nature, as Zhukovsky detailed in the article "Self-denial of power". At this point, the writer develops the original concept of nation building based on the idea of "family monarchy", on the paternalistic closeness of the sacralized state power (Russia) and the people, guardians of the faith and patriarchal foundations (Holy Russia).

The article includes a publication of the scientifically prepared text of "Letter" previously unpublished in its complete and adequate textual representation.

REFERENCES

1. *Russkiy arkhiv* [Russian archive], 1885, vol. 56, no. 2, pp. 245–247.
2. Vyazemsky P.A. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. St. Petersburg, 1880. Vol. 4.
3. Kiseleva L.N. *Dialog Vyazemskogo i Zhukovskogo o Svyatoy Rusi* [The dialogue of Vyazemsky and Zhukovsky on Holy Rus']. In: *"Na mezhe mezh Golosom i Ekhom": Sbornik statey v chest' Tat'yany Vladimirovny Tsiv'yan* ["On the Verge between Voice and Echo"]. Collection of articles in honor of Tatyana Vladimirovna Tsivyan]. Moscow: Novoye izdatel'stvo Publ., 2007.

4. Vyazemsky K.P. *Svyataya Rus'* [Holy Rus']. St. Petersburg: V tip. ekspeditsii izgotovleniya gos. Bumag Publ., 1848. 8 p.
5. *Zhurnal dlya chteniya vospitannikam voenno-uchebnykh zavedeniy* [Magazine for students of military schools to read], 1848, vol. 72, no. 288.
6. *Perepiska V.A. Zhukovskogo i A.P. Elaginoy. 1813-1852* [Correspondence between V.A. Zhukovsky and A.P. Elagina]. Moscow, 2009.
7. *Perepiska P. A. Vyazemskogo i V. A. Zhukovskogo (1842–1852)* [Correspondence between P.A. Vyazemsky and V.A. Zhukovsky (1842-1852)]. In: *Pamyatniki kul'tury. Novye otkrytiya. Pis'mennost'. Iskusstvo. Arkheologiya. Ezhegodnik 1979* [Monuments of Culture. New discoveries. Writing. Art. Archaeology. Yearbook of 1979]. Leningrad, 1980.
8. *Russkiy invalid*, 21st September 1848, no. 207, pp. 825-827.
9. *Sochineniya i perepiska P.A. Pletneva: V 3 t.* [Writings and correspondence of P.A. Pletnev. In 3 vols.]. St. Petersburg, 1885. Vol. 3, pp. 670-672.
10. *Stikhotvoreniya Vasiliya Zhukovskogo: V 13 t.* [Poems by Vasily Zhukovsky. In 13 vols.]. St. Petersburg, 1857. Vol. 11, pp. 342-357.
11. *Polnoe sobranie sochineniy V.A. Zhukovskogo: V 12 t.* [Complete works of V.A. Zhukovsky. In 12 vols.]. St. Petersburg, 1902. Vol. 10, pp. 120-124.
12. Grosul V.Ya., Itenberg G.S., Tvardovskaya V.A., Shatsillo K.F., Eymontova R.G. *Russkiy konservativizm XIX stoletiya. Ideologiya i praktika* [Russian conservatism of the 19th century. Ideology and practice]. Moscow, 2000, pp. 167-191.
13. Meshcheryakova A.O. *Russkie konservatory o evropeyskikh revolyutsiyakh 1848–1849 gg.* [Russian conservatives about the European revolutions of 1848-1849]. *Sovremennaya nauka: Aktual'nye problemy teorii i praktiki. Ser. Gumanitarnye nauki – Modern science: actual problems of theory and practice. Series "Humanities"*, 2011, no. 3, pp. 12-15.
14. Yanushkevich A.S. *V.A. Zhukovskiy i Velikaya frantsuzskaya revolyutsiya* [V.A. Zhukovsky and the French Revolution]. In: *Velikaya frantsuzskaya revolyutsiya i Russkaya literatura* [The French Revolution and Russian Literature]. Leningrad, 1990, pp. 106-141.
15. Zhukovskiy V.A. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: V 20 t.* [Complete works and letters. In 20 vols.]. Moscow, 1999. Vol. 1.
16. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. St. Petersburg, 1849. Vol. 23.
17. Vasil'ev K.G., Segal A.E. *Istoriya epidemiy v Rossii: (Materialy i ocherki)* [History of epidemics in Russia: (Materials and essays)]. Moscow, 1960, pp. 259-261.
18. Guzairov T. *Zhukovskiy – istorik i ideolog nikolaevskogo tsarstvovaniya* [Zhukovsky – a historian and ideologue of the reign of Nicholas]. Tartu, 2007, pp. 94-95.
19. Kan S.B. *Revolyutsiya 1848 goda v Avstrii i Germanii* [The revolution of 1848 in Austria and Germany]. Moscow, 1948.
20. Vin Yu.Ya. *Evropeyskie revolyutsii 1848 goda. "Printsip natsional'nosti" v politike i ideologii* [European revolutions of 1848. "The principle of nationality" in politics and ideology]. Moscow, 2001.
21. Vinogradov V.V. *Stil' Pushkina* [The style of Pushkin]. Moscow, 1941, pp. 391-392.